

НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНАЯ БОРЬБА СТУДЕНЧЕСТВА УКРАИНЫ НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВЕКОВ

Н. Ф. Димиров

Рубеж XIX–XX вв. был периодом интенсивного поиска своего места в освободительном движении различных социальных и национальных слоев населения, в том числе студенчества. Это место определялось и все возраставшей численностью вузовской молодежи Украины, составившей в начале 1917 г. около 40 тыс. человек, которые обучались в более чем 30-ти высших учебных заведениях России и Австро-Венгрии [1, 174]. Демократизация социального состава студенчества, ухудшение его материального положения, стеснения в гражданских и корпоративных правах благоприятствовали радикализации мировоззрения вузовской молодежи, а имперская политика властей, тяжким бременем ложившаяся на плечи «недержавных» народов, объективно втягивала в этот процесс и национальные отряды студенчества. Российское правительство ограничивало определенным процентом для каждого учебного округа представительство лиц нерусских национальностей. Так, в Киевском университете поляков могло обучаться не более пятой части от общего числа всех студентов, на все государственные вузы распространялась 5%-ная норма для евреев [2, 54]. В одной из своих листовок (февраль 1914 г.) харьковские студенты писали, что «всякое стремление национальных меньшинств жить своей национальной жизнью, говорить на своем языке, обучать своих детей в родной школе подавляется реакционным правительством с беспощадной жестокостью... Правительство натравливает одну национальность на другую, вносит в их среду рознь, устраивает погромы» [3, 98].

В ответ на подобные проявления имперского гнета усилился процесс консолидации политически активного польского студенчества Киева. Оно объединялось в организации под названием «Корпорация», «Филаренция», «Полония», общества «Освятя» и «Братская

помощь студентов-поляков». Цели своей деятельности каждая из организаций формировала по-разному. «Полония» ставила задачей «объединение польской учащейся молодежи», создание «кружков самообразования, поднятие и развитие национального самосознания для пользы освобождения польского народа, демократизации польской интеллигенции...» [4, 11] и включала около 200 студентов, объединенных в кружки по 10–15 человек в каждом. «Корпорация», в состав которой входило более 100 студентов и студенток, солидаризовалась с «рабочими классами всяких народностей, а в особенности тех, которые находятся под игом царизма», «имея прежде всего в виду польский пролетариат» [5, 26]. Руководящая идея «Филаренции» – завоевание независимости Польши, «достижение самой широкой демократизации ее общественных и экономических учреждений» [6, 158]. Все польские студенческие организации уделяли большое внимание работе с учащимися средних учебных заведений, готовя из них свой резерв, печатали и распространяли воззвания к студенчеству и обществу по поводу годовщин польских восстаний 1831 и 1863 гг., вели агитационно-пропагандистскую деятельность [7, 45; 7, 140]. Работа организаций направлялась из-за границы, зачастую на их заседаниях присутствовали видные руководители польского освободительного движения, т. н. «патроны», осуществлявшие не только идейное руководство, но и финансирование всей деятельности [4, 23 об.].

Еврейское студенчество объединялось в группы сионистов-социалистов, бундовцев, поалей-ционистов. Активную деятельность развернул в годы нового революционного подъема «Одесский союз сионистской учащейся еврейской молодежи», поставивший своей целью «достижение политической свободы вообще и в частности равноправия в учебных заведениях евреев с русскими» [8, 2]. Организация, помимо студентов, включала и учащихся средних учебных заведений, работе среди которых уделялось первостепенное внимание. Из студентов-евреев Новороссийского университета и слушательниц высших женских курсов в Киеве в годы войны была создана другая сионистская организация «Геховер» [9, 15]. Определенным влиянием среди еврейской молодежи пользовались сионисты-социалисты в Киеве. Кружок студентов-евреев Киевского политехнического института занимался теоретической разработкой национального вопроса

вообще и еврейского рабочего вопроса в частности [10, 18 об.; 10, 20]. В Харькове в годы первой мировой войны была создана группа объединенного еврейского студенчества, включавшая сионистов и бундовцев с преобладанием последних [9, 5]. Однако, несмотря на высокий уровень организованности еврейского студенчества, приоритет узко кружковой, теоретической работы в ущерб повседневной практической деятельности среди широких слоев населения предопределил незначительный удельный вес вузовских еврейских организаций в общей массе политически активной учащейся молодежи. Даже среди студентов-евреев сионисты и бундовцы не пользовались большим влиянием, составляя всего около 15% их численности [11, 45].

В рассматриваемый период жертвами многочисленных актов, направленных на денационализацию украинской культуры, наряду с представителями различных слоев украинского народа становились и студенты-украинцы. Указы 1863 и 1876 гг., запрещавшие печатание и распространение в пределах России без особого разрешения любых книг на «малороссийском наречии» [12, 8], воздвигали серьезные препятствия для проникновения украинского языка в общеобразовательные учреждения, включая высшую школу. В вузах России украинская история, языковедение и другие украинские дисциплины были запрещены как самостоятельные учебные предметы, допускались лишь «периферийными вкраплениями в соответствующие российские курсы» [13, 152].

Ужесточение национального гнета вызывало растущий протест у украинской патриотически настроенной вузовской молодежи. Отражением этого явилось возникновение ряда тайных кружков «молодых», пытавшихся в своей деятельности выйти за рамки чистого национального культурничества. Так, члены созданного в 1891 г. преимущественно из студентов харьковских вузов (И. Липа, Ф. Заикин, И. Антонович, Л. Бурлаченко и др.) украинского национального кружка «Молодая громада», помимо культурно-просветительской работы, ставили политические задачи, главная из которых состояла в достижении «полной автономии Украины» [14, 126]. В своей пропагандистской деятельности они использовали доставляемые из Львова нелегальные издания И. Франко и М. Драгоманова, которые хранились в устроенной студентами-технологами и ветеринарами тайной библиотеке [15, 11 об.; 15, 16].

Одновременно заметную эволюцию претерпевали вузовские украинские громады, переживавшие процесс углубления политической дифференциации. Сформировавшееся в недрах ряда громад в конце XIX века ядро радикального студенчества в своем стремлении вывести их деятельность за рамки культурничества и направить ее в русло национально-политического протеста все более увлекалось идеями Революционной Украинской партии (РУП). Центром этого движения в студенчестве на территории российской части Украины был Киев, в меньшей степени – Харьков и значительно слабее оно выражалось в вузах Петербурга, Москвы, Одессы, Варшавы. Анализ деятельности киевской громады на протяжении 1901–1904 гг. свидетельствует о том, что она была тесно связана с РУП, пройдя с ней все этапы идейной эволюции и превратившись в итоге в одну из групп ее городского комитета. Так, в 1900–1902 гг., когда в громаде были еще достаточно сильны позиции сторонников легальной работы, в деле пробуждения национального самосознания украинского народа значительное место занимало чтение рефератов среди студентов, отправка приветственных адресов артистам, композиторам, писателям, сборы денег на украинский театр и памятники известным деятелям украинского возрождения [16, 133].

Однако по мере укрепления влияния в громаде радикально настроенной части студентов громада целиком попадала под идейное влияние РУП и приоритетом в ее дальнейшей деятельности становились социально-экономические вопросы. Особенно заметной эта трансформация громады стала после массовых крестьянских восстаний в Харьковской и Полтавской губерниях весной 1902 г., что объяснялось общей ориентацией партии на расширение своего влияния в украинской деревне. В своих изданиях громада ставила перед студентами задачи привлечения «всех элементов, сочувствующих пролетариату и социализму, и вместе с ними идти вперед к достижению наших заветных целей» – «відродження вільної України» [17]. Усиление классово-направленности в деятельности громады привело к тому, что в конце 1904 г. она была преобразована в автономную единицу городского Комитета РУП со строгой конспирацией в организационных принципах и стала называться «Киевской студенческой социал-демократической организацией РУП» [18, 122].

Таким образом, в национально-демократическом движении украинского студенчества начала XX в. в Российской части Украины возобладало революционно-социалистическое направление с приоритетом требований социально-экономических преобразований в России как средства завоевания национально-территориальной автономии Украины. Это обстоятельство объяснялось как общеполитическими условиями назревания революционного кризиса в стране, так и острейшим состоянием украинского вопроса в результате шовинистической политики имперских властей, душивших малейшее проявление национальной жизни. Что же касается «сепаратистских» тенденций в студенческом движении, то они на Востоке Украины в рассматриваемый период были выражены крайне слабо, да и поддерживались в основном благодаря усилиям из Галиции. В частности, созданное в 1900 г. из патриотически настроенного украинского студенчества Львова общество «Молодая Украина» стало рассылать по вузам России нелегальную литературу, в которой пропагандировалась идея «одной, единой, нераздельной, вольной, самостоятельной Украины от гор Карпатских до Кавказских» и звучал призыв к борьбе с Россией за независимость своей Родины [19, 496]. Издания со схожими лозунгами были обнаружены у бывших студентов, исключенных за участие в студенческом движении, В. Шемета и А. Барбара (Киевский университет), А. Назарьева (Петербургский университет) [20, 10; 20, 24; 20, 25].

В годы революции наступил новый период в движении украинского студенчества: ослабла свойственная ему конспиративность, зато появились более благоприятные общественные условия для роста его массовости в результате вовлечения широких слоев непартийной академической молодежи. В решающую стадию вступила борьба за введение преподавания в вузах курсов национальной истории, языка, литературы, географии. Это требование было выдвинуто на собрании студентов Новороссийского университета еще в конце 1905 г. и неоднократно поддерживалось аналогичными решениями студенческих сходок и собраний других вузов в 1905 — 1907 гг. [21; 22, 69; 23, 54].

Поражение революции внесло определенные изменения в характер и направленность украинского студенческого движения. Оно по-прежнему проявлялось в организациях двух типов: преследовавшие политические цели вузовские партийные группы и студенческие

громады с их преимущественно культурно-просветительскими задачами. Однако в условиях усиления правительственной реакции после поражения революции значение последних как центров легальной работы по национальному возрождению существенно возросло. Сюда обратили свой взор многие революционно настроенные студенты, чья нелегальная деятельность из-за жесточайших преследований властей становилась практически невозможной. Еще большее внимание работе в громадах стали уделять сторонники национально-культурного направления в движении, число которых росло как за счет разочаровавшихся в политике студентов под влиянием происшедших общественных событий, так и тех, кто своевременно извлекал уроки из предшествующей революционной волны. Для многих студентов становилось очевидным, что преимущественно революционные формы борьбы со свойственными им кружковщиной и фракционностью при низком уровне культуры и неразвитости национального самосознания широких народных масс являются малоэффективными. Громады же открывали гораздо большие возможности для преодоления дефицита этих важнейших компонентов национальной жизни.

В послереволюционный период число студенческих громад в России неуклонно росло, достигнув к началу 1913 г. 22-х, в т. ч. 10 – в Петербурге [24, 7]. В связи с тем, что без предварительного утверждения учебными властями уставов деятельность громад рассматривалась как противозаконная, многие громады вынуждены были формулировать свои цели достаточно осторожно и лояльно: “... Путем пополнения недостающих научных знаний из истории, этнографии и быта украинского народа подготовить сво–их членов к общественной деятельности на пользу родного народа” [25, 19]. В самообразовательных целях громады выписывали украинские газеты и журналы: «Рада», “Українська хата”, «Лїтературно-науковий Вїсник», «Українская жизнь» и др. сотрудниками которых являлись и сами студенты [26, 1]. Зачастую приходилось преодолевать, как это было, к примеру, в Харьковском технологическом и Нежинском педагогическом институтах, огромные препятствия, чинимые учебными властями и засевшими в правлениях библиотек студентами – великороссами, которые обвиняли украинцев в «сепаратизме» и «узком национализме» [27, 57; 27, 63]. На собраниях громад слушались вопросы: «початок українського руху ь перший

період до 60-х років», «Экономическое обоснование автономии Украины», «Русское общество и его отношение к с.-д. Украинской фракции» и пр., читались работы М.Грушевского, И.Франко, других политических и духовных лидеров украинского национального возрождения [28, 25; 28, 30; 29].

Огромную роль сыграли громады в объединении всего украинского студенчества по обе стороны границы (российской и австрийской). Эти связи особенно укрепились в период подготовки I Всеукраинского студенческого съезда летом 1913 г. во Львове. Инициатива в организации съезда принадлежала киевским студентам, создавшим «Центральное Информационное Бюро» как координационный орган вузовских громад, который в ходе подготовительной работы вступил в активную переписку с «центральным Информационным Бюро» во Львове [30, 31]. На съезде рассматривались вопросы о положении и задачах демократизации («украинизации») школы, борьбе за университет во Львове, экономическом положении украинского студенчества и способах его улучшения и пр. [31, 3-8]. Но главный итог работы съезда, как отмечалось в воззвании «Центрального Украинского Бюро» в Петербурге (март 1910 г.), состоял в том, что он «выяснил взгляды местных наших организаций на роль и задачи организации, дал возможность найти ту общую почву, на которой можно совместно работать» [32, 48].

В рассматриваемый период шло и развитие второго типа организаций в украинском студенческом движении – вузовских партийно-политических групп. Самыми активными и многочисленными были группы украинских социал-демократов, существовавшие в Киеве, Харькове, Петербурге, Москве и оказывавшие немалое влияние на жизнь студенчества [24, 33]. В начале 1909 г. украинские социал-демократы трех киевских вузов (университет, политехнический институт, Высшие женские курсы) объединились в «Організаційний Комітет вищих шкіл», который сыграл большую роль в восстановлении УСДРП после погромов 1905-1906 годов. Благодаря усилиям «Комитета...» удалось созвать Партийное Совецание студенческих организаций Киева, Москвы и Петербурга, проходившее во Львове одновременно с работой Всеукраинского съезда вузовской молодежи летом 1909 г. Несмотря на разногласия во взглядах на содержание партийной работы

(отношение к деятельности «Просвіт», громад и пр., совещание приняло важные политические резолюции: о необходимости идейной подготовки сознательных элементов «украинства» и их объединения в антиправительственной борьбе, участия в культурно-просветительских, профессиональных и др. организациях пролетариата, крестьянства, интеллигенции при сохранении нелегальной деятельности в форме систематической пропаганды социалистических идей среди украинских рабочих [30, 71 об.]. Заметной широтой национально-демократического спектра отличалась тактическая линия «Комитета...» и на самом съезде: «...необходимо, чтобы всех, или, по крайней мере, многих сочувствующих нам последовательных демократов, не отталкивать от себя «непримиримостью», а предоставлять им возможность участвовать на собрании нашей фракции... » [30, 79].

Таким образом, и национально-демократическое, с наибольшей полнотой проявившееся в деятельности студенческих громад, и революционно-демократическое, сфокусировавшееся вокруг вузовских партийных (в рассматриваемый период преимущественно социалистических) групп, направления в движении восточно-украинского студенчества были в той или иной степени связаны с историческими судьбами российской демократии. Иные настроения и ориентации возобладали в среде западно-украинского студенчества. Относительно менее тяжкий национальный гнет в Австро-Венгрии по сравнению с Российской империей и более благоприятные возможности для функционирования политических партий содействовали интенсивному росту национального самосознания украинского народа, в т. ч. студенческой молодежи. Значительную часть кадрового состава украинских политических партий в Галиции составляли учащиеся вузов Львова: в социал-демократическую входило около 60 студентов университета и политехнического института, а национал-демократическая состояла преимущественно из студентов [33, 135–138]. В 1909 г. была создана центральная организация украинского студенчества в Австро-Венгрии – «Украинский Студенческий Союз», объединявший более 500 учащихся галицийских вузов (третья часть всех украинских студентов в Галиции) [34, 64]. «Союз» издавал печатный журнал «Шляхи», видевший свою задачу в увеличении вклада украинского студенчества «в суспільно-політичному і культурному житті нації», «поширеннє та поглибленнє

українського руху...» [24, 56]. Анализ публикаций журнала свидетельствует о борьбе двух направлений среди западно-украинского студенчества с разными подходами к пониманию приоритетов революционно-социалистических и национал-демократических идеалов [34, 45]. Однако, в отличие от восточноукраинских, национал-демократы среди галицийского украинского студенчества все более склонялись к мысли о необходимости первоочередной борьбы за полную политическую самостоятельность Украины: «История учит, что каждое национальное движение завершается успешно только тогда, когда оно имеет ясно и определенно поставленную цель, каковой может быть только государственная независимость» [35, 5]. Нарастание этой тенденции отразила и революция 2-го Всеукраинского студенческого съезда (июль 1913, Львов), высказавшегося за «програму політичного сепаратизму від Росії» [34, 67]. Эта резолюция послужила поводом для многочисленных обвинений украинского студенчества в проавстрийской ориентации, «мазепинстве», «українському буржуазному патріотизмові до пануючих держав» и пр. как со стороны официальных российских властей, так и известных деятелей украинского национального возрождения [36, 238; 34, 16]. Безусловно, что глубокая и всесторонняя оценка решений съезда – задача современной украинской историографии. Однако представляется, что резолюция съезда диктовалась не столько проавстрийскими симпатиями студенчества, сколько внутренней логикой многовековой борьбы украинского народа за государственную независимость на ее конкретном историческом этапе, когда использование соперничества великих держав мыслилось как наиболее эффективное средство обретения такой независимости.

После съезда и особенно под влиянием «шевченковских» событий в феврале 1914 г. усилились антироссийские настроения и среди восточно-украинского студенчества. Весной 1914 г. в Петербурге группа студентов-украинцев объединилась «на почве политическо-национальной работы под знаменем государственной самостоятельности Украины», избрав путем к осуществлению своего национально-политического идеала «национальное восстание против России» [35, 134; 35, 138]. Стимулируемые очередным витком репрессий в отношении печати, школы и всего украинского, подобные настроения резко возросли с началом войны. В 1915 г. из украинских студентов (А.

Ковалевский В. Алексеенко, К. Коссович, А. Берладин – университет, З. Скрыпниченко – Высшие женские курсы и др.) и учеников реальных училищ Харькова организуется «Коло незалежних», отстаивавшее идею национальной независимости Украины [37, 143]. В ряде университетских городов (Киев, Петербург, Москва, Харьков, Юрьев, Варшава, Одесса) были образованы студенческие группы под названием «Комітет Союзу Визволення. Українська Головна Рада студента» соответствующих университетов, тесно связанные с «Головною Українською Радою СВУ» во Львове. Члены этих групп получали из-за границы журнал «Вѣсник СВУ», газету «Дѣло», другую нелегальную литературу и использовали ее в пропагандистской работе в войсках и массах украинского народа для распространения пораженческих настроений [38, 1-2].

Таким образом, в конце XIX – начале XX века в освободительную борьбу народов России и Австро-Венгрии все активнее включались различные национальные отряды студенчества Украины. Несмотря на разнообразие организационных форм, экономических и политических условий деятельности по обе стороны границы, единой для всех социально-политических и национальных течений в студенческой среде была забота о благе родного народа, свободного от имперского гнета. В конкретно-исторических условиях эпохи отмеченные выше требования объективно выступали лишь как этапы и возможные варианты решения этой общей задачи. Развитие политической ситуации в Украине после свержения царского самодержавия в феврале 1917 г., когда политически и социально разнородные элементы студенчества влились в массовую борьбу угнетенных народов за социальное и национальное освобождение, подтверждает данный вывод. Изучение и обобщение опыта участия студенчества в национально-освободительном движении в стране могло бы сегодня стать действенным средством единения всех его социально-политических и национальных слоев на этапе строительства независимой демократической Украины.

СПИСОК ЛІТЕРАТУРИ

1. Высшее образование в СССР. Статистический сборник. – М., 1961.
2. ЦГИА Украины в г. Киеве (далее: ЦГИА УК /Центральный государственный исторический архив Украины=Центральный державний історичний архів Украпини/). – Ф. 442. – Оп. 849. – Д. 15.
3. ЦГИА в Москве. – Ф. 733. – Оп. 201. – Д. 408.
4. Киевский Областной государственный архив. – Ф. 2. – Оп. 226. – Д. 416.
5. ЦГИА УК. – Ф. 274. – Оп. 1. – Д. 2660.
6. ЦГИА УК. – Ф. 274. – Оп. 1. – Д. 3150.
7. ЦГИА УК. – Ф. 442. – Оп. 863. – Д. 7.
8. ЦГИА в Москве. – Ф. 733. – Оп. 201. – Ед. хр. 125.
9. ЦГИА УК. – Ф. 385. – Оп. 2. – Д. 186.
10. ЦГИА УК. – Ф. 705. – Оп. 1. – Д. 696.
11. **Шейнис Д.** Еврейское студенчество в цифрах. – К., 1909.
12. **Бурчак Л.** На тернистом пути //Украинская жизнь. – 1916. – №2.
13. **Грушевский М.** Вопрос об украинских кафедрах и нужды украинской науки //Освобождение России и украинский вопрос: Статьи и заметки. – СПб., 1907.
14. ЦГАВО в Москве. – Ф. 124. – 1893. – Оп. 2. – Ед. хр. 85.
15. ЦГАВО в Москве. – 1894. – Оп. 3. – Ед. хр. 123.
16. **Гермайзе О.** Нариси з історії революційного руху на Україні. – Т. 1. – Б.м., 1926.
17. ЦГАВО в Москве. – Ф. 1741. – Оп. 1. – Дд. 28804, 33484.
18. **Гермайзе О.** Шевченківська демонстрація в Києві р. 1914 (по матеріалах архиву К. Г. Ж. У.) //Червоний шлях. – 1924. – №3.
19. **Садовський В.** Спроба нової національної програми //Дзвін. – 1913. – №12.
20. Центральный государственный архив Высших органов государственной власти и управления в Москве (ЦГАВО в Москве). – Ф. 124. – Оп. 10. – Ед. хр. 711.
21. Зібрання студентів-українців Київського університету //Рада. – 1906. – №30. – 19 жовтня.
22. ЦГАВО в Москве. – Ф. 102. – ОО. – 1905. – Д. 3. – 4.36.
23. ЦГАВО в Москве. – Ф. 102. – ОО. – 1907. – Ед. хр. 28. – 4.5.
24. Український студент. – 1913. – Зб. 1.
25. ЦГАВО в Москве. – Ф. 102. – Д-во 4. – 1908. – Ед. хр. 83. – 4.5. – Лит. А.
26. ЦГИА УК. – Ф. 276. – Оп. 1. – Д. 486.

27. **Карбовський М.** Наші книгозбірки і їх читальники //Український студент. – 1913. – Зб. 2.
28. **Плевако М.** З історії української студентської громади в Харковѣ / Український студент. – 1913. – Зб. 2.
29. Рада. – 1910. - №270. – 28 листопада.
30. ЦГАВО в Москві. – Ф. 102. – ОО. – Оп. 239. – 1909. – Ед. хр. 8. – 4.1.
31. Домбчевський Р. По зїзді //Молодая Україна. Орган “Українського Студетського Союзу”. – 1910. – Львів. – Ч. 1. – 1 січня.
32. ЦГАВО в Москві. – Ф. 102. – Д-во. 4. – Оп. 206. – 1909. – Ед. хр. 204.
33. **Єфремов С.** До історії “Галицької Руїни” 1914 – 1915 рр. //Україна. – 1924. – Кн. 4.
34. Український студент. – 1913. – Зб. 2.
35. ЦГАВО в Москві. – Ф. 102. – ОО. – Оп. 244. – 1914. – Ед. хр. 231. – Т. 3.
36. **Рибалка Л.** З нагоди другого всеукраїнського студентського зїзду // Дзвін. – 1913. – №9.
37. ЦГАВО в Москві. – Ф. 102. – ОО. – Оп. 245. – 1915. – Ед. хр. 231.
38. ЦГИА УК. – Ф. 274. – Оп. 4. – Д. 488.